

ОБРАЗ ВРАГА В РЕЛИГИИ: ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Роман Николаевич Лункин

Построение образа врага во многом зависит от того, в какой ситуации формируется враждебность и с чем она связана. Например, со временем представления друг о друге французов и англичан превращаются в анекдоты, а их прежние противостояния воспринимаются с иронией. В России образ немца живет двойкой жизнью — то идеального ответственного и точного во всём работника, то «фашиста», как в кино и в фольклоре. Образ «шпионов Запада» усиленно создавался в советское время, именно тогда присутствие этой «бесовской» силы утвердилось в массовом сознании наравне с «домовым» или «бабой Ягой». При этом существует целый ряд образов, которые широко используются и глубоко ранят сознание российского человека. Они являются инструментом проявления комплекса неполноценности россиян. Одним из таких образных элементов русского самосознания является образ сектанта.

Как отмечает А. И. Зыгмонт, сектант и секта описываются в негативно-антропологическом контексте и дегуманизируются как светскими масс-медиа, так и церковными авторами (антикультистами). Нечеловеческий образ инаковерующего чрезвычайно притягателен и в каком-то смысле «обаятелен». Именно поэтому и сами антикультисты, и исследователи поддаются этому отрицательному «обаянию» и видят в глубинах сектантской жизни нечто мертвенное, варварское, основанное на антигуманистических принципах. Подтверждением заразительности негативно-антропологического восприятия является и то, что против сектантов выступают самые разные слои общества, даже далекие от православия, от религиозного фундаментализма, консерватизма. В этом отличие этого

образа от других: к примеру, либерал никогда не одобрит борьбу с «американскими шпионами», а с «нетрадиционными сектами» — запросто.

Сложность «сектантского» образа в том, что он делает религиозность или антирелигиозность оппонента намного ярче, чем она есть на самом деле. В этом проявляется обратный позитивный антропологический эффект постоянной популяризации враждебных представлений. В советский период сектанты оттеняли идеологию государства — на их фоне агрессивный атеизм становился вполне оправданным, а жестокость репрессий и советских законов становились вполне естественными перед лицом милосердия верующих, которое объявлялось лицемерным и меркантильным. Антисоциальная сущность сектантов не оставляла им никакого шанса на существование, а справедливость самой лицемерной в Европе советской системы власти становилась, по крайней мере, терпимой при наличии такого рода «сектантов». В постсоветский период сектанты стали восприниматься как антиподы верующих Русской православной церкви, что частично можно объяснить естественными причинами — слабостью РПЦ и миссионерскими волнами новых религиозных движений и протестантских конфессий, из которых только баптисты и пятидесятники стали реальными конкурентами РПЦ во многих регионах России.

Негативный образ сектанта в изображении православных антикультистов стал прямым отображением того, чего не хватает в самой РПЦ. Эту черту также можно отчасти объяснить тем, что на миссионерском поле православие противостояли не реальные страшные «сектанты», а именно евангельские христианские церкви. Им вменялось и вменяется в вину то, чем церкви должны заниматься: активная миссионерская деятельность, энергичная молитвенная практика, существование за счет пожертвований прихожан, при-

влечение молодого поколения и даже обучение своей вере детей. Человек, которому показывали в новостях лубочную картину «золотых куполов» православия и экстатические дергания верующих с аккуратно одетыми в костюмы пасторами, воспринимал православие как «великую традицию», воспринимал величие православия, но забывал о его религиозной сути, не требуя ничего специфически «религиозного» от православия.

Возможно, это звучит предельно странно с христианской церковной точки зрения, предполагающей регулярное посещение богослужения и молитву и т.д., но такого рода антитезы уродства и красоты, величия и духовной и материальной грязи православия и сектантов были востребованы в особенности в 1990-е гг. Источником примитивного толкования сектантской угрозы стали антикультистские центры во главе с А.Л. Дворкиным. «Обаяние» пропаганды образа врага в лице верующих других конфессий и религий было настолько велико, что приводило антикультистов в состояние азарта, который почти полностью повторял агитационные клише Союза воинствующих безбожников. Борцов с сектами совершенно не волновали конкретные люди и судьбы, если они принадлежали к сектантам. Иногда их намеренно «сдавали» правоохранительным органам как потенциальных преступников. Помимо этого, существенных различий между христианами-сектантами (пятидесятники и харизматы) и нехристианами из новых религий (саентологи, мормоны, свидетели Иеговы) не делалось, вся их деятельность интерпретировалась через призму криминальной мифологии. Безусловно, в рамках этой азартной игры повторялись и повторяются элементы и архетипы идеологии советских антирелигиозных кампаний.

Религиозно мотивированный образ врага, как показал опыт 1990-х и 2000-х гг., создаёт определённую зависимость:

представителям масс-медиа и церковным активистам кажется, что без такого рода угрозы обойтись нельзя. Антикультисты смело шли на разрушение межконфессиональных отношений (протестанты и православные в самом начале 1990-х гг. часто проводили миссионерские поездки вместе, что сегодня уже воспринимается как сказка), в их призывах к обществу и правоохранительным органам отсутствовал элементарный здравый смысл (доброта и отзывчивость с постоянной молитвой ставились в вину, объявлялись фанатизмом и лицемерием, наряду с этим фантазии о самоубийствах и жертвоприношениях повторяли, часто слово в слово, советские агитационные статьи и фильмы о верующих).

Отсутствие современной миссионерской и социальной деятельности, отсутствие традиции регулярного сбора пожертвований и каждодневной или еженедельной молитвы казались постсоветскому православному доказательством «искренности» и «чистоты», это и отличало от остальных «волков в овечьей шкуре» — сектантов. Антикультисты подтверждали этот миф, позволяющий не участвовать в церковной жизни: правила — для сект.

Постепенно антикультистская мифология изживает себя и уходит в прошлое. Даже если центральные телеканалы показывают сюжеты о «страшных сектантах-шпионах», то на уровне епархий РПЦ ситуация стала намного более толерантной или, по крайней мере, спокойной. Однако зависимость от образа врага сыграла с российским обществом злую шутку — многие россияне решают проблемы своей страны, ссылаясь на неравную борьбу с «западными врагами» в рамках «большой игры», которую Россия ведет со своими могущественными оппонентами. Внутри же страны именно РПЦ стала приобретать черты «сектанта» в глазах либеральной общественности. Церковь обвиняют в том же самом, в чем она обвиняла ранее секты. С точки зрения ли-

бералов, РПЦ ведет себя агрессивно, пытается проникнуть во власть, её руководители меркантильны и наживаются на верующих, интересуются только имуществом, церковная жизнь архаична, закрыта и наполнена нелепыми правилами, которые всех заставляют выполнять, РПЦ вовлекает детей в свою веру в школах, вмешивается в академическую сферу. В конечном счёте для многих либералов РПЦ становится символом отжившей эпохи, «старого режима», она становится асоциальной, так как не может быть фундаментом нового демократического общества. Все эти обвинения уже предъявлялись церкви в 1917 году. Сегодня они иллюстрируют отсутствие элементарных знаний о церкви со стороны значительной части общества.

В данном случае мы не пытаемся показать, какие обвинения являются правдой, а какие нет, поскольку и у представителей РПЦ, и у протестантов, и у представителей новых религий можно найти черты, которые будут подтверждать или опровергать их «сектантство». Дело в другом: существует определённая зависимость от негативно-антропологического образа в сознании как консервативной, так и либеральной части общества. Иногда в образе сектанта можно увидеть прямое отражение всех недостатков обвиняющего, иногда это кривое зеркало, иногда агрессивный нетерпимый корпоративизм, который можно отнести, наверное, еще к неандертальскому прошлому человечества, когда у каждого подвида человека была своя «каноническая территория», но одновременно шла обоюдная ассимиляция.

Использование образа врага — это одновременно и изживание, уничтожение «враждебного элемента», и азартное наслаждение этим образом. Религиозное осмысление феномена образа врага в виде антикультизма или борьбы с «сектантством» даёт наиболее богатую почву для анализа тех варварских архетипов и инстинктов, которые всплыва-

ют в человеческом сознании. И, конечно, надо оставаться человеком для того, чтобы, как сказано в Евангелии, иметь дар различения духов, то есть понимать, в чём состоит критика сектантства с богословской точки зрения, понимать, к каким направлениям это сектантство относится, чем оно отличается от иных направлений (нужно осознавать, что сектантская «пищевая цепочка» многообразна: для православного сектанта — баптист, а для баптиста — пятидесятник, для пятидесятника — свидетель Иеговы, для иеговиста — все, впрочем, в таком же ключе мыслят и многие православные и мусульмане).

Среди условных образов врагов, которые возникают в публичной сфере в России, наиболее близким к образу сектанта является образ украинца. Это родственный нам народ, почти русские, во многом похожий, но с более ярким темпераментом, во многом с непонятной нам логикой действий. В украинском характере отражаются многие черты, которые в России хотели бы воплотить — это свободолюбие, твердая вера (и религиозная, и политическая — в свою национальную идею).

Только твердо встав на ноги, приобретя твёрдую веру и воспитав уважение к себе, можно отказаться от образа врага, проснуться, как от кошмара, и осознать весь ужас восприятия человека (пусть и из разных партий или церковных юрисдикций) как чудовища, несмотря на то, что это восприятие, возможно, и помогало ощущать своё превосходство.